

- кутск: БГУЭП, 2006.
2. Карнышев А.Д., Жуков К.С., Шестак В.Ф. Психология в политической деятельности. – М.: ИМА-пресс, 2004.
 3. Чалидзе В. Уголовная Россия. – М.: Дело, 1996.
 4. Шеншин А.Е. От «теневиации» экономики и криминализации общества: генезис и сущность криминальных экономических процессов// Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. – 2003. – № 3. – с. 33–50.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ НАШИХ СОСЕДЕЙ

С.В. Горькова

КРЕДИТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА МОНГОЛИИ (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)

*Горькова Светлана Викторовна – зав.
отделом краеведческой литературы
и библиографии Иркутской областной
государственной универсальной
научной библиотеки им. И.И. Молчанова-
Сибирского (ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-
Сибирского)*

До конца XIX в. Монголия, хотя и входила в состав Цинской империи, но занимала в ней особое место. Она была полностью изолирована от любых контактов, как с другими государствами, так и с народами, входившими в состав империи. Полная политическая и экономическая изоляция позволяла маньчжурам контролировать и держать в подчинении многочисленные монгольские княжества. Одним из рычагов экономического воздействия была торговля.

На протяжении столетий вести торговлю на территории Монголии дозволялось только представителям Китая. Они же создали здесь

уникальную систему кредитно-финансовых отношений, при которой деньги отсутствовали в принципе. Между китайскими купцами и монголами осуществлялся натуральный товарообмен. Эквивалентом денег являлись кирпич чая и годовалый барашек. И лишь в некоторых случаях при расчётах использовалось серебро в слитках. Все функции по осуществлению товарных сделок выполняли крупные китайские фирмы. Эти же фирмы в случае необходимости суживали серебро монгольским князьям, выполняли другие банковские операции, они же в конце XIX в. наладили выпуск специальных чайных векселей – «те-цз».

Во второй половине XIX в. начинается процесс активного проникновения иностранного капитала на территорию Монголии. Это повлекло за собой модернизацию всей существовавшей на территории Монголии кредитно-финансовой системы, одновременно обнажило и её слабости. Существующая система кредитования начала постепенный переход к ведению именно денежных операций (в обычном понимании этого слова). Но, так как собственной единой валюты Цинская империя не имела, в обращении в Монголии находилась валюта других государств: русские кредитные билеты и серебряные монеты, мексиканские доллары, гульдены и проч. Попытки самих иностранцев вести свои дела в Монголии большого успеха не имели, они были вынуждены обращаться к помощи китайских посредников. Среди китайских торговых фирм появились специализирующиеся на предоставлении кредитных услуг, они же являлись компрадорами крупных иностранных компаний.

Эволюция финансово-кредитной системы Монголии на рубеже XIX–XX веков интересна не только с точки зрения экономической истории. Через механизмы кредита и обмена осуществлялись функции имперской власти и контроля над огромной «варварской периферией», велась ее эксплуатация. Вторжение иностранного европейского и американского капитала вело к радикальной трансформации этой системы – и это закладывало основы будущих модернизационных процессов в XX веке, огромных геополитических сдвигов в регионе.

До конца XIX в. Монголия в качестве части Цинской империи находилась в политической и экономической изоляции и была закрыта для любого проникновения извне. И в самой империи она занимала особое место: доступ туда представителей других покорённых маньчжурами народов был ограничен и строго регламентировался различными статьями и уложениями. Все вопросы Монголии решались в Палате Внешних сношений – Ли-фаньюань. Здесь было несколько департаментов, которые занимались исключительно внутренними делами Монголии и её внешними контактами. Без участия Палаты было невозможно решить даже самые незначительные вопросы.

Изоляция Монголии диктовалась интересами маньчжурских властей.

Это делало монголов пассивными и покорными, исключало их участие в антиманьчжурских союзах и организованных выступлениях, позволяло использовать их территории как буферную зону на границе с Россией. Экономическая изоляция позволяла контролировать и держать в подчинении самих монголов. В силу традиционного кочевого уклада жизни монголов, они не могли на должном уровне и в необходимом объёме обеспечить себя изделиями ремесла и продуктами земледелия. Всё это они получали от своих соседей – китайцев. В пору своего могущества – при помощи грубой силы, позже в обмен на продукты скотоводства. Взяв под контроль этот процесс, маньчжуры получили в свои руки способ держать монгольских князей на коротком поводке: в случае их неповиновения любой товарообмен запрещался, если князья проявляли покорность – торговля возобновлялась.

Торговля на территории Монголии разрешалась только китайским купцам, причем под строгим контролем маньчжурских властей. Их пребывание было ограничено годом, палатой Внешних сношений выписывалось на это специальное разрешение («Пяо»). Несмотря на все ограничения, и в отсутствие конкуренции китайскому купечеству удалось выстроить в Монголии целую систему своих предприятий. Более того, они не просто полностью подстроились под местные экономические условия, но и сами создали систему, при которой, обеспечивая потребности местного населения, получали стабильные большие прибыли. Китайские торговые предприятия не ограничивались простой торговлей, а выполняли целый ряд дополнительных функций: производство товара на месте его потребления из местного же сырья, оказание посреднических услуг крупным торговым фирмам из Китая, ссуду денег местному населению.

Даже отсутствие настоящих денежных единиц, они смогли использовать себе на благо: между китайскими купцами и местным населением существовал натуральный товарообмен. Денежным эквивалентом служили кирпич чая и годовалый барашек. При обмене их стоимость уравнивалась. В редких случаях использовалось серебро в слитках. Регулярно монгольские князья совершали поездки ко двору императора в Пекин¹. Для таких поездок было необходимо серебро. Приходилось платить и за утверждение в той или иной должности. Случалось, что князь не обладал необходимым количеством серебра. В этом случае он мог обратиться за помощью к предприимчивым китайским купцам. В целом же, как местное население, так и китайские купцы привыкли обходиться без денег. Подобная система торговых отношений насчитывала не один десяток лет, и вполне устраивала обе стороны.

Во второй половине XIX в. политическая ситуация вокруг Китая начала стремительно меняться. Он попадает в сферу интересов ведущих индустриальных держав мира. Первые же военные столкновения показали слабость Цинской империи и принудили разрешить доступ иностранцев

на закрытые ранее территории в т. ч. и в Монголию. Начинается процесс активного проникновения иностранного капитала. Иностранные компании закупали сырьё, активно добывались концессий на устройство телеграфного сообщения, обустройство дорог, строительство железных дорог. Естественно, иностранные коммерсанты нуждались в современной финансовой системе. В результате, существовавшая на территории Монголии система торговых отношений начинает быстро меняться.

Традиционная финансовая система Монголии держалась на крупных китайских торговых фирмах, взявших на себя функции ведения банковских операций. Крупнейшие – Да-шень-куй и Тянь-и-дэ, Юань Шэн-дэ, Юн Цзи-чэна. Монголы такие фирмы называли «туньши», что означало поручителя-плательщика². Здесь монгол всегда мог получить денежный кредит. Чаще всего к их услугам обращались князья или зажиточные люди. Деньги были необходимы не только для поездок в Пекин или приобретения предметов роскоши, но и для уплаты податей, оплаты расходов за почтовые услуги или содержание чиновников. В Улясутае, где располагался один из филиалов фирмы Да-шень-куй (Та-шинь-ху), местные власти вообще предпочитали вести дела с «туньши», нежели собирать необходимую сумму с населения, у которого просто не было наличных денег. Складывалась система откупов, что неизбежно влекло за собой различные злоупотребления. Долг мог в несколько раз превысить свой изначальный размер, его могли собрать несколько раз, что облегчалось отсутствием письменной регистрации его размера.

Механизм получения и возвращения кредита был таким, что позволял китайским предприятиям получать огромные прибыли. Предельно допустимый процент, разрешенный на территории Империи, составлял не более 36% годовых³. Но в Монголии китайские фирмы с успехом обходили это препятствие и получали до 100% и более. Они не требовали возвращения кредита в первый же год, проценты росли как снежный ком и часто доходили до 400%.

То, что банковские операции выполняли крупные торговые фирмы, накладывало отпечаток на их деятельность. В погашение кредита китайские банки принимали практически всё – от серебра до скота. При заключении сделки монгол через год должен был выплатить своему кредитору долг, в противном случае в его уплату принималось имущество должника – скот. Да и сам кредит мог быть предоставлен не в виде серебра или монет. Китайские банкиры прекрасно знали свою клиентуру и знали, для каких целей клиентам нужны деньги. Часто случалось, что рядовым монголам, прибегавшим к услугам фирмы-ростовщика, кредит выдавали не наличными деньгами, а товарами. И в уплату долга требовали не серебро, а скот.

Был распространён бессрочный кредит – «хоунин», или «бараньин лан»⁴. Смысл его заключался в том, что необходимый монголу товар (чаще

всего чай) отпускался по изначально сильно завышенной цене, при этом через год представитель фирмы объезжал своих должников и в случае неуплаты прибавлял проценты. Через несколько лет стоимость предоставленного товара возрастала в разы, и всё это несмотря на то, что кредит был «бессрочный». Можно даже сказать, что практика погашения кредита путём передачи фирме скота или продуктов скотоводства, была для неё выгодней, чем возвращение серебра. Она позволяла в несколько раз увеличить прибыль от заключаемой сделки: на товары, предоставляемые в кредит, фирма устанавливала повышенные цены, а на скот и продукты скотоводства – низкие (как правило, ниже рыночных). Заведомо понижая уровень платёжеспособности своих клиентов, фирма увеличивала время возвращения кредита и практически делала их неоплатными должниками. Китайские банкиры и не стремились к тому, чтобы монголы в срок и в полном объёме погашали свои долги. Их вполне устраивало, что долги ежегодно росли за счет процентов. Кроме того, долг князя или отдельного монгола в случае его неплатёжеспособности, благодаря распространённой у монголов круговой поруке, равномерно распределялся на всех представителей хошуна.

Таким образом, к моменту активного проникновения иностранцев на территорию Монголии, здесь уже существовала кредитно-финансовая система, созданная китайским купцами. Она пользовалась поддержкой местных властей. Например, в Урге и Улясутае в 1907 г. был открыт Дайцинский банк. И хотя, по-английски его название переводилось как Дайцинский государственный банк⁵, в китайском варианте надписи указание на принадлежность банка государству отсутствовало⁶. Вероятнее всего, этот частный банк имел государственную поддержку.

При поддержке местных властей, китайские банкиры могли влиять на дальнейшее развитие ситуации. По оценкам наблюдателей, «...банкирские операции в Калгане сосредотачивались исключительно в руках шансийских банкиров, которые с давних времён прочно там основались и своей сплоченностью убивали в самом зародыше всякие другие банковские учреждения, которые делали попытки заводить там дела»⁷.

Они оказывали мощное противодействие и иностранным предпринимателям, пытавшимся проникнуть в Монголию. Не сумев приспособиться к местным условиям, те стали предпочитать ведение дел через китайских посредников. И лишь в начале XX в. здесь появились крупные английские, американские и немецкие фирмы. В 1904 г. в Монголии начали свою деятельность немецкие фирмы «Стукен и К°», в 1909 г. – «Бидерман»⁸. В 1907 г. в Урге была открыта первая английская фирма, а позднее – американская. Но и они нанимали целый штат китайских приказчиков.

Из иностранцев только русские попытались открыть в Монголии банк. Они раньше других получили возможность вести здесь торговые дела. Для

их поддержки в 1895 г. в Урге было открыто отделение русско-китайского банка. Практически сразу же оно столкнулось с рядом совершенно непривычных проблем. Участник московской торговой экспедиции, изучавшей экономику Монголии, отмечал: «...деятельность кредитных учреждений должна быть строго сообразована с требованиями и особенностями торговли в Монголии, так как практика банков, установившаяся в русских условиях, целиком применённая в Монголии, обречена на полный провал»⁹.

Все финансовые операции в Монголии требовали большего срока, чем в России. Большие проблемы создало то, что за основу кредитования было взято серебро. Так как оно являлось товаром на мировом рынке, его цена постоянно менялась. В соответствии с этим и величина кредита также постоянно менялась. И если русские предприниматели это понимали и принимали, то у монголов, не сведущих в мировой экономике, это вызывало негативную реакцию и недоумение. Им было привычнее расплачиваться за кредит скотом, китайские купцы приучили их не торопиться с погашением долга. Да и проценты по кредитованию в русском банке мало чем отличались от китайских. И поэтому «русско-китайский банк больше кредитовал монгольские хошуны; русским же доступ к кредиту был затруднён краткосрочностью и взиманием больших процентов (официально бралось 12 %, но так как серебро в кредит отпускалось по повышенному курсу, то выходило почти 24%)»¹⁰.

Провозглашение независимости Внешней Монголии укрепило позиции русских предпринимателей. Монгольское правительство аннулировало все долги монголов перед китайцами. Были предприняты попытки создания собственных банков: в 1911 г. переводчик монгольского правительства Московитин получил концессию на устройство в Урге «Монгольского Национального банка», ему также «предоставлялось исключительное право выпуска своих банкнот и чеканки монгольской монеты в единицах равных русской монете»¹¹.

Ведя свои дела на территории Монголии, иностранцы столкнулись с ещё одной проблемой – отсутствием денег в обычном понимании этого слова. В качестве денежного эквивалента могли выступать как скот, так и векселя китайских торговых предприятий. По сложившейся традиции, все расчёты на территории Монголии велись в переводе на чай и скот, и китайские предприниматели с успехом обходились без монет.

Чай был самым популярным продуктом в Монголии. Поэтому он стал самым распространённым эквивалентом денег среди кочевников. Взамен предлагаемого товара монгольские кочевники могли предложить скот. Условно было установлено что, один кирпич чая был равен одному годовалому барашку. Но не всегда товар приобретался на сумму равную стоимости одного барана. Существовала более мелкая денежная единица – "шара-цай". Это были небольшие мешочки с чаем отпиленным от целой

плитки. За длительное время использования чай в них превращался практически в труху, и в пищу уже не использовался. К началу XX в. эта мелкая денежная единица практически исчезла из оборота, она сохранилась как средство платежа лишь в крупных монастырях. Как шара-цай, так и кирпич чая использовались при заключении небольших сделок. При крупных же сделках стоимость товара устанавливалась в "местах" чая. Одно место чая включало от 36 до 54 ящичков. В одном ящичке было более десяти плиток.

Конечно, для осуществления крупных покупок возить целый воз чая было крайне неудобно. На втором месте по популярности после кирпича чая и барана в роли эквивалента денег выступало серебро: ямбовое (в слитках) и в монетах. Лучшим считалось гамбургское. Оно содержало совсем мало примесей, и само серебро было высокой пробы. Получив такое серебро, китайские купцы уже не выпускали его обратно в оборот, его вывозили в Китай. При розничной торговле весовое серебро имело ряд недостатков. Обычно при расчёте серебро шло по весу, за единицу веса был принят китайский лан. Один лан был равен около 36,4 г.¹², поэтому слитки приходилось рубить. Кроме того, китайцы использовали три веса: лёгкий, средний, тяжёлый (разница между ними в десятые грамма, в зависимости от того принимается или отдаётся серебро у покупателя, его взвешивали лёгким или тяжёлым весом). И один и тот же слиток в разных лавках мог иметь разный вес. Встречались и поддельные слитки. Ямбовое серебро представляло собой слиток овальной формы и имело определенный вес. Оно было китайского происхождения (изготавливалось в Пекине и Калгане, часто частными фирмами и банками). Оно имело массу примесей, и в зависимости от числа примесей называлось: «цзю-цзю-инь» – девятичное (одна доля примесей), «цзю-па-фынь» – восьмичное (две доли примесей)¹³ и т. д. Поэтому при заключении сделки обычно оговаривалось качество серебра, а цена товара оговаривалась в ланах. Иногда слиток могли разрубить на части, но это преследовалось по закону. Ещё одним недостатком серебра были постоянные колебания цен на него.

Кроме того, предприимчивые китайцы и здесь находили способы не упустить прибыль. При заключении сделок серебро принималось по весу: «Даже для денежных расчётов на серебро у каждого китайца имелись всегда весы 3-х разных сортов: одни – верные, для расчёта собственно между китайскими купцами; другие – для продажи монголам серебра, и третьи – для покупки, уменьшавшие вес серебра, принимавшегося у монголов. Кроме того, и на качестве серебра, распространявшегося среди кочевников, китайцы извлекали немалую выгоду, пуская в ход много поддельного или с большой примесью олова, серебра, получившего у монголов наименование «хару-мунгу» (чёрное серебро). Доброкачественные же, полноценные слитки, ввозимые сюда по большей части русскими торговцами, попадая в китайские руки, немедленно изымались из употребления и отплавлялись

внутри Китая»¹⁴.

Для розничной торговли существовали мелкие монеты: чох, ходак. Чохи – мелкие медные монеты китайского происхождения с квадратным отверстием в центре. По одной они на территории Монголии не использовались, в употреблении были связки по 50 и 100 монет. В разных районах Монголии при расчёте необходимо было оговаривать заранее, какая связка принимается для расчёта – большая или малая. Ходак – шёлковая лента с нанесёнными на неё священными текстами, тоже могла приниматься как денежная единица при мелких расчётах. Чаще всего она имела хождение в крупных монастырях или использовалась в качестве подарка.

Большинство китайских банков, несмотря на свой частный характер, выпускали собственные банкноты. Тот же Дайцинский банк выпускал банкноты с пометкой «Urga», которые имели хождение только по территории Монголии. На монгольском рынке они получили название «те-цзы». В них указывалось количество чая, которое можно было получить по его предъявлении в любом отделении фирмы и в любое время. Кроме того, необязательно было обналичивать билет чаем. Им можно было рассчитаться при заключении новой сделки с этой же фирмой или другой крупной торговой фирмой при условии, что между ними существуют договорённости на этот счёт. Они выпускались крупными фирмами для облегчения торговых сделок и всегда имели реальное обеспечение чаем или серебром чаем в фирме, которая их выпустила, часто они использовались при оплате услуг перевозки, принимали к расчёту их и русские купцы. Их ценность относительно серебра строго поддерживалась и изменялась в зависимости от стоимости самого серебра. Были случаи, когда стоимость «те-цз» росла в соответствии с ростом стоимости серебра.

В первое время своего существования «те-цзы» были очень удобным платёжным средством. Хотя крупным недостатком их было то, что их выпуск не контролировался и не гарантировался государством. В случае банкротства фирмы взыскать плату по ним было практически невозможно. Банкноты одного банка не всегда принимались другими. В некоторых случаях они не имели реального обеспечения в серебре или товарах.

Постепенно китайские фирмы стали злоупотреблять выпуском ассигнаций, начались спекуляции. В конце XIX в. выпуск «те-цз» приобрёл широкий характер «выпуском их занялись почти все, даже самые мелкие торговцы, нисколько не заботясь об их обеспечении»¹⁵. По свидетельству Русского консула в Монголии в 1883 г., «те-цзы» или чайные ассигнации, подвергающиеся резким изменениям в своей стоимости, и в последнее время начавшие быстро обесцениваться, вследствие недостатка обеспечивающего их фонда в готовом чае или серебре, а главным образом вследствие того, что выпуск их неограничен никаким количеством и никаким законным постановлением»¹⁶. Кроме того, существовала реальная опасность приоб-

речения фальшивых «те-цз». Крупные китайские предприниматели даже были вынуждены маркировать выпускаемые ими векселя специальным способом, чтобы при их приёме было легче определить их подлинность.

На рубеже XIX–XX вв. прежняя система денежных отношений уже практически изжила себя. Участие Монголии в международной торговле потребовало модернизации существующей системы. Иностранцев, имеющих дела с монголами или даже с китайцами, совсем не устраивало то, что эквивалентом денег являлись продукты скотоводства или серебро, стоимость которого постоянно менялась. Всё это требовало дополнительных затрат или посреднического участия китайских торговых предприятий. Однако и взамен Цинское правительство ничего не могло предложить. Неоднократно китайские банкиры пытались наладить выпуск бумажных денег, но неконтролируемый их выпуск приводил к печальным последствиям – они обесценивались или же вообще не имели реального обеспечения. Следовательно, популярность их как у иностранцев, так и у местного населения снижалась. Кроме того, такие «деньги» имели хождение только на территории Монголии, даже в других частях империи они подчас не принимались к расчёту.

Очень скоро пустующая ниша была занята валютой других государств. На территории Халхи были популярны русские кредитные билеты. На них китайцы покупали шлиховое золото у русских старателей (продажа золота за границу преследовалась по закону). Они экономили место и были более удобны в хранении. Пользовались они уважением и среди местного населения. В отличие от чая, баранов или серебра они были удобны при транспортировке и хранении, охотно принимались к расчёту как русскими, так и китайскими купцами. Однако их ценность после русско-японской войны стала падать. Тем не менее, они с успехом выдерживали конкуренцию с китайскими бумажными деньгами. В обращении в Монголии находились бумажные деньги Дайцинского банка (The Ta Ching Government Bank). Но они имели плохое обеспечение реальными ценностями. Среди иностранных валют на территории Монголии можно было встретить гульдены, мексиканские доллары, золотые и серебряные монеты европейских стран, русские серебряные рубли. В принципе китайские торговцы принимали любую надёжную валюту.

Подводя итог, можно сказать, что к моменту активного проникновения иностранного капитала на территорию Монголии, здесь уже существовала созданная хорошо отлаженная китайцами система кредитных отношений. Она исключала участие денег при кредитовании или заключении сделок купли-продажи. Но активное втягивание Монголии в международный рынок в конце XIX–начале XX вв. и проникновение иностранного капитала потребовало модернизации этой системы. В первую очередь начала трансформироваться система кредитно-денежных отношений, существую-

щая система кредитования начала постепенный переход к ведению именно денежных операций (в обычном понимании этого слова), в повседневной жизни расчёт сделок хоть и вёлся ещё традиционно в пересчёте на стоимость баранов или кирпичи чая, тем не менее, начали появляться и монеты. Этот же переход выявил и существенный недостаток – отсутствие единой валюты на территории не только Монголии, но и самой Цинской империи.

Примечания

1. Каждый князь раз в три года должен был совершать поездку в Пекин для несения дежурства при императоре, так называемое «чжиса». См.: Болобан А. П. Монголия в её современном торгово-экономическом отношении. – Петроград : Типография В. Ф. Киришбаума, 1914. – С. 130.
2. Позднеев А. М. Города Северной Монголии. – С.-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1880. – С. 84.
3. Сандаг Ш. Политическое и экономическое положение внешней Монголии в конце XIX – начале XX в. // Монгольский сборник. Экономика, история, археология. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1959. – С. 126–138.
4. Болобан А. П. Указ. соч. – С. 47.
5. «The Ta-ching Government Bank».
6. Болобан А. П. Указ. соч. – С. 40.
7. Тидеман П. Г. Обзор торговли города Калгана // Донесения Императорских Российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. – СПб. : Типография В. Ф. Киришбаума, 1914. – № 40. – С. 112–119.
8. Майский И. Современная Монголия. – Иркутск, 1921. – С. 206.
9. Морозов И. М. Из путевого дневника // Московская торговая экспедиция в Монголию. – Москва: Тип. П.П. Рябушинского, 1912. – С. 78–164.
10. Там же. – С. 78–164.
11. Майский И. Современная Монголия. – Иркутск, 1921. – С. 177.
12. Майский И. М. Монголия накануне революции. – М. 1959. – С. 158.
13. Позднеев А. Указ. соч. – С. 72.
14. Кузьминский М. Н. Русская торговля в Кобдо в 1911 г. // Донесения Императорских Российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. – СПб. : Типография В.Ф. Киришбаума, 1912. – С. 17–38.
15. ГАИО Ф. 25. О. 12. Д. 494. Л. 195.
16. ГАИО Ф. 25. О. 12. Д. 494. Л. 194.